

**Этнокультурная специфика
концептуализации окружающего мира
носителями осетинского языка
(на основе анализа концепта хъысмæт ‘судьба’)**

Агузарова С.В.

В статье предпринята попытка раскрыть национально-культурную специфику концепта *хъысмæт* ‘судьба’ в осетинском языке в соответствии с мировосприятием и мироощущением его носителей, конкретизировать представление о содержании концепта, сложившееся при изучении материалов литературных источников.

Ключевые слова: концепт, судьба, счастье, доля, Бог

This article examines the concept of *хъысмæт* ‘fate’ in the Ossetic language in light of the culturally-determined worldview held by Ossetians. Components of this concept are analyzed based on their occurrence in Ossetic literature.

Key words: concept, fate, fortune, destiny, God

Как известно, специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то отдельную, неповторимую картину мира, отличную от существующей реальности, а «специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Булдыгина, Шмелев 1998: 66].

Выход за пределы денотативного значения слова и широкое привлечение национально-культурных ассоциаций, присущих лексической единице в конкретной лингвокультурной среде, позволяет увидеть мир глазами носителя другого языка.

Концепт *судьба* выступает важнейшей категорией сознания и основной составляющей картины мира; в структурно-смысловом отношении понятие судьбы является двухполюсным; её конечные точки — появление человека на свет и уход из мира. Между этими полюсами лежит жизненное пространство человека, иначе говоря, *поле его судьбы*. Именно в этом пространственно-временном поле, включающем прошлое, настоящее и будущее каждого человека, возникают разные ситуации контакта с судьбой. Следующий пример ярко иллюстрирует данное утверждение:

Дуган йæ тæрхон уый у, æмæ адæймагмæ лæвард ис царды мидæг æртæ стыр дзуаппы: иу дзуапп — куы райгуыры, уæд; дыккаг дзуапп — мой кæнын æмæ ус курын; æртыккаг та — йæ адзал. — Временем человеку суждено в жизни держать три важных ответа: первый ответ — во время рождения; второй ответ — при замужестве или женитьбе; третий — в смертный час [Санаты 1984].

Семантическое поле концепта *хъысмæт (судьба)* в осетинском языке сформировано следующими лингвистическими единицами, связанными между собой посредством их значений: *амонд, хъысмæт, ныв (нива), ныхыфыст, ныхыдзуар, нысанæвард, адзал, хай, хал, хардз*.

Лексема *амонд* — культурологическая основа традиционной этики и эстетики осетин. После того, как Бог (*Хуыцау*) — в осетинской духовной культуре единственный и абсолютный вершитель и создатель всего на земле — сотворил мир и всё живое и неживое в нём, он наделил всё созданное им *амондом* — счастьем, счастливой судьбой: *Хуыцауæй йæ амонд фæци (Хъ. Ир. æмб.)*. — От бога досталась ему счастливая судьба [Гуытыаты 1976].

Амонд — это старая форма причастия прошедшего времени от глагола *амонын* ‘показывать’, которая переводится как «предуказанное, предопределённое», «судьба».

Синонимом слова *амонд* в дигорском диалекте осетинского языка выступает *ныв* (*нива*) ‘счастье, доля, судьба’: *æз да нивæ даен* ‘я твоя судьба’ (т. е. предназначена тебе) [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989].

Следующее слово лексико-семантического поля концепта *судьба* — *хъысмæт*; оно распространено у мусульман, но проникло и в христианство в значении «неотвратимый рок, судьба». По В.И. Абаеву [1958, 1973, 1979, 1989], слово пришло в осетинский язык из арабского, после принятия осетинами мусульманства, где оно также означало «доля, удел, судьба». В современном осетинском языке оно имеет значения «судьба, доля, участь, удел»: *Хъысмæт нæ бауу кодта* — судьба нас свела. *Йæ хъысмæт афтæ уыд* — таков был его удел.

Ныхыдзуар — судьба; счастье; предначертание, предназначение. Буквальный его перевод — ‘крестик на лбу’, указание на то, что ко времени появления человека на свет его судьба уже бывает предначертана: *Ныхыдзуар алчи йæ мады гуыбынаей рахæссы*. — Свою судьбу каждый выносит из чрева матери [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989].

Ныхыфыст ‘написанное на лбу’ предполагает, что человеческая жизнь заранее определена Богом и каждое событие в ней имеет смысл: *Дæ нихыфыст хорз куы фæуа, уæд тæс ницæмай у*. — Если тебе предначертана хорошая судьба, то бояться нечего [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989].

Лексема *нысанæвæрд* ближе всего по значению к понятию *ныхыфыст*. *Нысанæвæрд* ‘предназначение’ имеет два корня. *Нысан* ‘знак, метка, примета’; ‘то, что намечено, цель’. Проникло в осетинский язык из персидского *nisan* — ‘знак, метка, отметка’. *Æвæрд* / *æвæрын* ‘класть, давать’. *Нысан кæнын* / *æвæрын* ‘отмечать, намечать’. *Хъысмæт сæ сæ кæрæдзийæн снысан кодта*. — Судьба предназначила их друг другу [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989].

Адзал от арабского *ajal* ‘срок, предел, смертный час’, ещё один мусульманский термин, который проник во многие языки Кавказа вместе с исламом со значениями ‘смертный час; рок; срок, предел’. *Адзалæн амал нæй*. — Против смерти нет средства [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989].

На некоторую степень случайности в том, что обстоятельства сложились тем, а не иным образом, указывают лексемы *хал* ‘жребий, доля, участь’ и *хай* ‘часть, доля’, создающие образ игры, где человеку случайным образом попадаете та или иная доля.

Хардз на современном этапе развития осетинского языка обозначает ‘расход, трата, издержки’, но слово имело и значения ‘доля, судьба’, ныне ставшие архаичными: *Лæгæн йæ хардз цы уа, уымæн ын тас нæу*. — Никуда не деться от того, что предназначено человеку судьбой [Абаев 1958, 1973, 1979, 1989].

Слова, вербализующие концепт *хъысмæт* в осетинском языке, можно классифицировать по нескольким семантическим признакам:

- 1) то, на что в первую очередь указывает слово:
 - на высшую силу, распоряжающуюся жизнями людей (*ныхыдзуар, адзал*);
 - на форму, которую их жизни принимают в результате деятельности высших сил (*хъысмæт, амонд, хай*);
 - на определяющую события волю высшей силы (*ныхыфыст, хал*);
 - на функцию, которую, согласно воле высших сил, человек должен выполнить в своей жизни (*нысанæвæрд*);
- 2) то, как оценивается высшая сила:
 - как доброжелательная к человеку (*амонд, ныхыфыст*);
 - как недоброжелательная (*адзал, хъысмæт*);
 - как способная вызывать и желательные, и нежелательные события (*хай, хал*);
- 3) то, насколько запланированы события, происходящие по воле высших сил:

- *ныхыфыст*, *ныхыдзуар*, *нысанæвæрд* предполагают заранее определённый план;
 - *хай*, *хал* указывают на случайность происходящего;
 - *хъысмæт*, *амонд* акцентируют внимание на конечном результате деятельности высших сил — на том, как сложилась жизнь в целом;
- 4) то, насколько контролируемы события со стороны человека:
- *нысанæвæрд* ‘предназначение’ может быть выполнено или не выполнено человеком;
 - на *ныхыфыст* ‘предопределение’ и *ныхыдзуар* ‘предначертание’ повлиять невозможно;
 - *адзал* ‘рок, смертный час’ изменить нельзя;
 - на *хай* ‘долю, участь’ и, особенно, на *хъысмæт* и *амонд* ‘судьбу’ повлиять можно, хотя чаще их нужно принять, им следует покориться.

Концепт *хъысмæт* в осетинском языковом представлении о мире указывает на непредсказуемость будущего, неспособность человека контролировать свою жизнь: *Адаймагаен йæ хъысмæт цы скаерда, уымæй ирвæзгæ нау.* — Что судьба предопределит человеку, того не избежать [Санаты 1984].

Анализ литературных источников выявил следующие характеристики концепта *хъысмæт*, который представляется носителям языка как *активное начало, живое существо* (она говорит, слышит, обладает властью, является причиной встреч и разлук людей, ведёт человека, толкает его на поступки, помогает ему) и как *пассивное начало, предмет, объект действия* самого человека. Спектр гештальт-структур концепта *хъысмæт* разнообразен:

1. Судьба — рок, часто предстаёт в облике животного. Осетины верили, что в смертный час является извлекатель души (*удисæг*) в образе волка:

Фынддæс лæгбирæгъмæ кæсгæйæ зæронд лæгтæ сæ адзалмæ æнхæлмæ кастысты (Михал. Дæ фыдæлтæ

рухсаг). — Старики ждали свой смертный час, глядя на пятнадцать извлекателей душ в образах волков [Булкъаты 1994].

2. Счастливая судьба — птица, она может пролететь, пронестись мимо:

Амонд атахти æмæ фаджысы рагъыл абадт. — Счастье улетело и на кучу навоза село [Ирон æмбисæндтæ 1976].

Итак, *судьба* в представлении осетин может представлять в образе животного или птицы. Первоначально данное преобразование являлось магическим, колдовским средством для достижения цели, сперва на охоте, а потом вообще в борьбе с врагами или злыми духами. Герои народного эпоса «Нарты» тщетно пытаются одолеть противника в честном богатырском поединке, но, убедившись в своём бессилии, перед решающей схваткой надевают на себя волчьи шкуры (Сослан (Созырко)) или превращаются в ястребов или голубей (Дзерасса) [Нарты 1990]. Так, слабость человека перед силами природы вынуждала его искать магическое, а не силовое решение задач, которые вставали перед ним в борьбе с этими силами.

3. Судьба — нить, связь:

На таурагъты уый хъысмæт дæр баст æрцыд зæдтæ æмæ зæххон цытджын адæймæгты цардимæ. — В наших преданиях и его судьба связана с ангелами и земной жизнью великих людей [Ирон литератураæ 2004].

4. Судьба — путь, дорога, которая является причиной изменения, движения человека:

Адзалы фæндаг мыдæй сæрст у. — Дорога судьбы мёдом смазана. *Хъысмæт* — *цардвæндаг*. — Судьба — жизненный путь. *Хъысмæты цардвæндагæй цуварс ахизæн нæй.* — Нельзя сойти с жизненного пути, обозначенного судьбой [Ирон диссæгтæ... 2006].

5. Судьба — предмет, объект, вещество. В этом случае судьба либо даётся свыше, либо находится впереди и встречается человеку в определённый момент, либо уже принадлежит ему. Её можно найти или потерять:

Амонд *на агурдтай, аендәрә йә иссердтаиссе*. — Не искал ты счастья, а то бы нашёл его [Ирон аргъсэуттә 1983].

На астәуыккаг афсымәр дәр та на хистәр афсымәры фәндагыл йә адзал ссардта. — Наш средний брат тоже нашёл смерть, пойдя дорогой старшего брата [Ирон аргъсэуттә 1983].

6. Судьба — книга, в которой мы читаем то, что нам предназначено, предопределено:

Хысмәты барвәндәй ләгәен — йә амонды чыныг, фәлә йә алчи кәсын на зоны. — Волею судьбы написана книга судьбы человека, но не каждый умеет её читать [Ирон диссәгтә... 2006].

7. Судьба, счастье — суженый(ая), возлюбленный(ая):

Уыцы чызг хуыцау Ма хай фәкодта; Ане маен, бецау, Кәрдзын на хордта. — Ту девушку господь сделал моей суженой, она, бедняжка, без меня и хлеб не ела [Гәдиаты 1979].

Уә, ма ныфс әмә ме сәфт амонды хай! — О, моя надежда, моё потерянное счастье! [Булкаты 1994].

С женщиной связаны понятия *амонд* ‘счастливая судьба’ и *зәды хай* ‘доля ангела’.

Женщина — хорошая, гостеприимная хозяйка, прежде всего носительница чисто женского или семейного начала. Она должна обязательно обладать такими качествами, как скромность, мягкость, послушание, воспитанность, умение вести домашнее хозяйство, щедрость — так как является хранительницей очага, изобилие стола зависит от женщины: *Ус хәдзарән йә чысыл хур у, йә зәды хай*. — Женщина в доме — маленькое солнце, доля его ангела [Ирон әмбисәндтә 1976].

Сылгоймаджы амонд — афсарм әмә хәрзәгъдау. — Счастливая судьба женщины в её скромности и почитании обычаев [Ирон әмбисәндтә 1976].

Немаловажное значение имеет внешний вид женщины: она должна быть опрятно и скромно одета, радовать глаз окружающих: *Сылгоймагән йә уынд й’амонд у*. — От внешнего вида женщины зависит её счастливая судьба [Ирон әмбисәндтә 1976].

В осетинской культуре характерно уважительное отношение к женщине как продолжательнице рода: *Æртыккаг тын дæр аккаг кæныц нарты хистæртæ уымæн, сылгоймаджы сæрыл æгъдауджындæр чи разына, фылдæр чи ныббара сылгоймагæн*. — Третий тюк отдадут старейшие Нартов тому, кто будет больше почитать женщин, кто больше им простит [Нарты 1990].

Счастливая судьба мужчины также напрямую зависит от женщины: *Хорз ус — лæгæн й'амонд*. — Хорошая жена — счастье мужчины. *Тиуæн бирæ чындзытæ куы уа, уæд æм бирæ амонд кæсы*. — Если у деверя много снох, будет у него много счастья [Ирон сæмбисæндтæ 1976].

Хорошую жену посылает Бог: *Хуыцау ма дæуæн загъта*. — Бог предназначил меня тебе [Ирон сæмбисæндтæ 1976].

И наоборот, если встретила плохая женщина, говорят: *Ма хæйрæджы хай мыл фæтых — фыдсыл бауарзтон*. — Моя доля чёрта оказалась сильнее, я полюбил плохую женщину [Ирон сæмбисæндтæ 1976].

8. Судьба — судья, выносящий приговор, распределяющий блага:

Хъысмæты тæрхон — Хуыцауы тæрхон. — Приговор судьбы — Божий приговор [Ирон диссæгтæ... 2006].

9. Судьба — смерть, конец:

Уыдонæй фæстæмæ ничиуал раздæхт, сæ адзал дзы ссардтой. — Из них никто не вернулся, они погибли там [Ирон аргъæуттæ 1983].

Для горцев характерно философское отношение к смерти как показатель мужественности и хладнокровия. Горец перед лицом смерти должен быть особенно настроен, быть духом выше смерти, думать о чести и об оставленном после себя имени. Умереть дважды нельзя, поэтому будь мужчиной, умирая единственный раз:

Хæсты лидзгæйæ мын нæ фæмард дæ, уымæн дæ фæтæн риу æвдисæн, — йедзаг у уый знаджы нæмгуытæй. Ды хæцыдтæ адаймаджы номыл, дæ сæр нывондæн æрхастай æфхæрдты

сæрыл. Лæг уыдтæ æмæ лæджы мард акодтай. Рухсаг у! — Ты, не убегая с поля боя, погиб. Свидетель тому — твоя широкая грудь, полная вражеских пуль. Ты сражался за людей, свою голову принёс в жертву. Ты был мужчиной и погиб как мужчина. Царство тебе небесное! [Санаты 1984].

Против смерти нет средств и отговорок, так предопределено судьбой. Если суждено умереть, то никакие усилия не помогут:

Адзалан мадзал нæй. — Против смерти нет средства [Ирон æмбисæндтæ 1976].

10. Судьба — неизбежность. Это — высшая сила над людьми. Желания человека в данном случае определяются как независимые от него самого. Он полностью полагается на свою судьбу, зависит от неё. Она дана человеку свыше, и он должен принять её такой, какая она есть, и не жаловаться, даже если что-то не нравится или очень трудно, а то может быть ещё хуже: *Хъысмæтæй ирвæзæн нæй.* — От судьбы не уйдёшь [Ирон æмбисæндтæ 1976].

Судьба воспринимается как категория традиционной культуры, «отражающая представления о сверхъестественных, божественных силах, предопределяющих все события в жизни людей» [Пюрбеев 1998: 973].

В культуре осетин такой «силой» обладает *Хуыцаутты Хуыцау* — Творец, Податель судьбы, Покровитель. Идея единого бога вошла в духовный мир алан вместе с христианством. Бог (*Хуыцау*) — Всевышний — есть Истина, совершенная, абсолютная Истина, существующая вне воли и желаний человеческого разума, довлеющая над ним и управляющая всем мирозданием. *Хуыцау* незрим — это «безымянный бог, который является единым, бесконечным, всемогущим, всеведущим и вездесущим» [Габараев 1969: 994].

Главной его функцией является функция *наделения*. К нему обращаются с разными просьбами, чаще всего о наделении какими-либо благами и избавлении от неприятного или опасного. На него полагаются и испытывают к нему чувство

страха. Для осетин *Хуыцау* (Бог) — доброе, справедливое начало, защитник и помощник, судья: *Хъысмæты тæрхон — Хуыцауы тæрхон*. — Приговор судьбы — это приговор Всевышнего [Ирон сэмбисæндтæ 1976].

Осетины полностью отдают себя власти *Хуыцау*, так как верят: всё, что делает Бог, всё, что посылает людям — всё благо, они должны с благодарностью принимать это: *Хуыцау лæгæн цы саккаг кæна, уый хорз у*. — Что Бог человеку пошлёт, то и хорошо. *Хуыцауы бар нæхи бакодтам*. — Полностью доверили себя Богу [Ирон сэмбисæндтæ 1976].

Хуыцау сам лучше знает, кто что заслуживает: *Хуыцау кæмæн цы хъæуы, уый кæны*. — Бог кому что нужно, то и делает [Ирон сэмбисæндтæ 1976].

Несмотря на то что бессилие человека перед природой было фактом, подавляющим его инициативу, травмировавшим сознание и обусловившим возникновение религиозных представлений, оно всё-таки являлось относительным, «ибо самой природой (он) человек был наделён такими силами и потенциями, которые открывали перспективу овладения ею» [Крывелев 1975: 205].

В современном обществе в понятие *судьбы* осетины вкладывают как традиционные представления, так и составляющие, обусловленные современными реалиями. В пословицах часто прослеживается мысль, что ждать милостей от природы не следует, что нужно самим устраивать, планировать свою судьбу:

Амонд кæнгæ у. — Счастье (судьба) строится. *Амонд аразæг лæг йæхæдæг дæр у*. — Человек и сам может устроить свою судьбу. *Амонд цары хуынкъæй никуы никæмæ 'рхауд*. — Счастье ещё никогда ни к кому не упало из дырки в потолке [Исаев 1964: 18].

С одной стороны, существует множество примеров милости и благородства Всевышнего: *Хуыцау хæрзуæгдæжын у, кæд сайæм, уæд нын сæй ныббардæн*. — Всевышний милостив, даже если мы обманываем, он простит [Булкъаты 1994].

С другой стороны, люди начинают осознавать, что жизнь и Бог не всегда справедливы, что одними молитвами не улучшить своего положения, нужны конкретные действия: *Хуыцау йæ заманы царды хæрзтæ адæмыл раст нæ байуæрста*. — В своё время бог неправильно распределил дары между людьми [Айларты 1990].

Итак, мы видим два подхода к понятию *судьба* в осетинском языке:

1) она полностью зависит от Всевышнего, человеку лишь остаётся смириться или молить у него счастливую судьбу: *Хъуыддæгтæ цууылдæр хуыцауæй аразгæ сты*. — Все дела зависят от Творца. *Хъысмæты сæрты нæ ахиздынаæ*. — Судьбе перечить не будешь [Ирон диссæгтæ... 2006];

2) судьба зависит от человека, нужно самим строить её, не ждать милости божьей: *Йæхи чи хъахъхъæны, хуыцау дæр уый хъахъхъæны*. — Кто себя бережёт, того и Бог бережёт [Санаты 1984]. *Йæ амондыл уæлæхох чи кæны, уымæн Хуыцауы бон дæр ницы у баххуыс кæнын*. — Кто пренебрегает своим счастьем, тому и Бог помочь не может [Ирон диссæгтæ... 2006].

Можно по-разному относиться к *судьбе*: покоряться или противостоять ей. Но преобладающее чувство, которое вызывает *судьба* у осетин — смирение: следует принимать всё, что бы ни случилось, как если бы это было назначено нам судом Божиим. Поскольку противиться судьбе бессмысленно, жизненная позиция осетин и их реакция на многообразие событий становятся достаточно пассивными.

Как известно, концепт — многомерное образование, которое включает в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочные, ассоциативные характеристики: «в нём запечатлён опыт всенародного осмысления категорий свободы и необходимости применительно к человеческому бытию, попытка человеческого разума отыскать последние основания жизни — силы, которые управляют мировым порядком и человеческим поведением» [Бижева 2000: 56].

Дополнительные возможности для описания содержания концепта предоставляют *экспериментальные методики*. Слова разных типов, безусловно, отражают разнообразные стороны содержания концепта, но, по нашему мнению, часто важная для понимания содержания концепта информация эмоционального и оценочного плана остается за пределами словарной статьи.

Необходимо также учитывать, что концепт — это динамическое явление, так как содержание концепта, его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые, в свою очередь, определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей. В лексико-семантических, словообразовательных, фразеологических системах языков запечатлеваются ядерные, апробированные временем представления об окружающей действительности, тогда как в ассоциативно-дискурсивных реализациях — не только основные, но и сопутствующие, факультативные или новые знания об этих явлениях. Они могут быть выявлены с помощью экспериментальных методик, позволяющих дополнить представление о содержании концепта, сложившееся при изучении материалов лексико-графических источников, текстового материала, конкретизировать это представление относительно определённой группы носителей языка.

Для более полного раскрытия содержания концепта *хъысмæт* в осетинском языке, выявления его актуальных признаков, для исследования знания и понимания его носителями языка на современном этапе развития языка и культуры, были проведены *свободный ассоциативный* и *рецептивный эксперименты* среди представителей осетиноязычной части населения республики Северная Осетия-Алания. Результаты экспериментов более полно представлены в работе С.А. Агузаровой [2013] «Судьба как выражение ментального мира» и рассматриваются как *отражение национально-значимых элементов концепта*.

В экспериментах приняли участие 200 человек, из них 100 — в возрастной категории от 18 до 24 лет, 100 — носители языка в возрасте от 25 до 70 лет. Испытуемым было предложено дать своё определение значения слова *судьба*, а также отреагировать любой словесной формой на словаре-репрезентанты концепта *хъысмæт* в осетинском языке.

Эксперименты подвели нас к следующим результатам:

1. Несмотря на многообразие возможностей реализации в осетинском языке, основным репрезентантом концепта *судьба* является слово *хъысмæт*, которое в подавляющем большинстве случаев имеет отрицательные коннотации и мыслится как *тяжелая судьба, трудная жизнь*, в то время как *амонд* — *счастливая судьба, счастье*, что полностью совпадает с выводами, сделанными на основании анализа литературных произведений и поговорок.
2. В ходе языкового эксперимента были получены и новые значения слов, не зафиксированные в словарях и литературе, как-то:
 - *Ныхыфыст* ‘предопределение’ представляется как *будущее* в основном в возрастной категории до 25 лет. Испытуемые старшего возраста, наоборот, считают, что данное понятие несёт в себе весь тот «багаж», который передан человеку его предками.
 - *Ныхыдзуар* ‘предназначение’ в ряде случаев ассоциируется с *ангелом-хранителем* или со *святилищем*, что, вероятно, объясняется словарными значениями слова «дзуар» — ‘ангел, святой’.
 - *Нысанæвæрд* ‘предназначение’ ассоциируется с *намерением, целью*.
3. Слова *ныхыдзуар, нысанæвæрд, хардз* потеряли свою актуальность и на современном этапе развития языка малоупотребительны, что подтверждают результаты экспериментов: более трети испытуемых не сталкивались с данными словами и затруднились определить их значения.

Необходимо также отметить, что концепт *судьба* частью осетин мыслится как *результат влияния высших сил на жизнь человека*.

Большая часть участников эксперимента понимает *судьбу* как *жизнь, жизненный путь, дарованный, предопределённый Богом и полностью зависящий от его воли*.

Треть опрошенных склоняется к мысли, что *судьба* — это *результат собственных усилий человека, это то, что можно изменить, приложив старания*.

Итак, анализ концепта *хъысмæт* в осетинском языке показал, что в народном представлении *судьба* — это, с одной стороны, нечто, предопределённое Всевышним, на волю которого полностью полагались осетины. Она не поддаётся изменению. С другой стороны, люди начинают осознавать, что у них достаточно сил, чтобы переделать *судьбу*, повлиять на ход жизненных событий.

Литература

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 т. Ленинград, Москва, 1958, 1973, 1979, 1989.

Агузарова С.В. Судьба как выражение ментального мира. Владикавказ, 2013.

Айларты И. Мамысоны æвцагыл / *Айларов И.* Мамисонский перевал. Дзæуджыхъæу, 1990.

Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик, 2000.

Булкътаты М. Дæ фыдæлтæ рухсаг / *Булкаты М.* Царство небесное предкам твоим. Дзæуджыхъæу, 1994.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва, 1998.

Гæдиаты С. Æвзæрст уацмыстæ / *Гæдиев С.* Избранные произведения на осетинском языке. Цхинвал, 1979.

Габараев С.Ш. К вопросу о народном мировоззрении в нартском эпосе // Сказание о нартах. Эпос народов Кавказа. Москва, 1969.

Ирон сѣмбиссѣндтѣ. *Æрсѣмбырд сѣ кодта 'мѣ чиныг сарсѣзта Гутътиаты Хъ.* / *Гутиев К.* Осетинские пословицы и поговорки. Дзæуджыхъæу, 1976.

Ирон аргъсѣуттѣ. Чиныг сарсѣзта *Джыккайты Ш.* / *Джикаев Ш.* Осетинские народные сказки. Дзæуджыхъæу, 1983.

Ирон диссæгтæ æмæ сѣмбиссѣндтѣ. Сарсѣзтой йæ *Айларты И., Гæджынаты Р., Кцойты Р.* / *Айларов И., Гаджинова Р., Кцоева Р.* Осетинские пословицы и поговорки. Дзæуджыхъæу, 2006.

Ирон литературæ: Ахуыргæнæн чиныг-хрестомати 8-æм къласæн / Чиныг сарсѣзтой *Макоты З., Джыккайты Ш.* / *Макоева З., Джикаев Ш.Ф.,* Осетинская литература для 8-го класса. Цхинвал, 2004.

Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964.

Крывелев И.Ш. История религий. Т. 1. Москва, 1975.

Нарты. Осетинский героический эпос в трёх книгах. Книга 1. Москва, 1990.

Пюрбеев Г.Ц. Концепт «судьба» в культуре монгольских народов // Теегин герл. 1998, № 6.

Санаты У. Фыдæлты таурæгътæ / *Шанаев У.* Сказания предков. Орджоникидзе, 1984. 184 ф.

Агузарова Светлана Валерьевна

Владикавказский институт управления, кафедра гуманитарных дисциплин

svetlana.aguzarova@yandex.ru